

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

Сурмы Ивана Викторовича

на диссертацию Павлюченко Александры Андреевны на тему
«Сравнительный анализ цифровой дипломатии США в отношении
Великобритании и Ирана при администрации Б. Обамы и Д. Трампа»,
представленной на соискание ученой степени кандидата политических наук
по специальности: 5.5.4. «Международные отношения, глобальные и
региональные исследования»

Актуальность выбранной автором темы диссертационного исследования не вызывает сомнения, так как динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и Интернета, формирующего современное глобальное информационное общество, не знает национальных границ и, как следствие, оказывает трансформирующее воздействие на все сферы общества и государства, включая международные отношения и мировую политику и по мере эскалации межгосударственного соперничества в информационном пространстве и стремления различных международных акторов использовать всё новые цифровые площадки для распространения своего политического влияния вопросы применения информационно-коммуникационных технологий с целью формирования зарубежного общественного мнения становятся всё более актуальными как для научно-академических, так и для практических прикладных исследований. В этом контексте особый интерес представляет исследование феномена цифровой дипломатии на примере США как институционального актора, который первым комплексно и системно имплементировал эту практику в собственную внешнеполитическую деятельность. Поэтому Павлюченко А.А. и посвятила свою диссертацию комплексному исследованию обозначенной проблемы с выявлением её структурных элементов.

Автор в своём исследовании обоснованно указывает на то, что в существующей литературе преобладает либо общий теоретический анализ, либо отдельные страновые кейсы, а структурных сравнений, например, в зависимости от характера двусторонних отношений, не проводилось. Это сильная сторона, придающая работе самостоятельное научное значение. Анализ более 30 тысяч публикаций, проведенный автором — это серьёзный объём, выводящий работу за рамки просто качественных кейс-стади в зону, так называемого, data-driven исследования. Размещение датасета в открытом доступе на GitHub — отличная практика воспроизводимости, особенно ценная для российской научно-академической среды, где открытые данные в политологии пока ещё редкость.

Заслуживает внимания и использование автором смешанного подхода (от хештег-анализ к тематическому моделированию на основе иерархической кластеризации и к количественному и качественному контент-анализу) выстроено как последовательная цепь: от индуктивного выявления тем к

дедуктивной верификации. Это не просто механическое соединение методов, а серьезный методологический подход, где каждый этап поддерживает следующий.

Выбор автором конструктивизма (П.Бергер, Т.Лукман, А.Вендт) как основной теоретической опоры обоснован и уместен, так как цифровая дипломатия действительно конструирует идентичности, образы угроз и союзнические нарративы, а не просто транслирует их. Также удачным вспомогательным дополнением является использование теории секьюритизации для анализа «нарратива об угрозах».

Гипотеза сформулирована автором конкретно. Характер двусторонних отношений определяет не только тональность, но и «архитектуру онлайн-присутствия». Четыре защищаемых положения логически вытекают из гипотезы и эмпирики, не дублируют друг друга и охватывают разные уровни анализа (эволюция во времени, кейс Ирана, кейс Великобритании, обобщение).

Следует отметить авторскую периодизацию цифровой дипломатии США по трём критериям (институциональные изменения, приоритеты, технологии), как самостоятельный теоретический вклад, выходящий за рамки диссертационного кейса и применимый к другим видам международных исследований.

Обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, не вызывает сомнения, так основанием проведенного исследования являлась большая эмпирическая и теоретико-методическая база. Разделение на пять групп (цифровая дипломатия как феномен, внешняя политика США в ИКТ-сфере, методология, трансформация внешнеполитического курса, — и, по сути, отдельный блок по диссертациям) демонстрирует глубокую проработку автором темы исследования. Охват включает и российских, и зарубежных авторов, и классиков (М.Кастеллс, К.Бьола и др.), и новейшие работы.

Представленные выводы и рекомендации были успешно апробированы автором на целом ряде научно-практических конференций. Кроме того, автором было опубликовано необходимое количество публикаций материалов по теме проведенного исследования.

Вместе с тем, работа не свободна от некоторых дискуссионных моментов. Например, автор смело утверждает, что анализ цифровой дипломатии позволяет выявить реальные цели, которые Государственный департамент США преследует при работе с зарубежной аудиторией, и опровергнуть или подтвердить их расхождение с постулируемыми целями. Однако анализ публикаций в социальных сетях не даёт прямого доступа к институциональным целям, а показывает коммуникативные практики. Связь между практиками и целями нуждается в дополнительной верификации, например, через интервью, внутренние документы или хотя бы более чёткую операционализацию целей через измеримые показатели. Было бы неплохо добавить обсуждение эпистемологических границ выводов из анализа социального медиа-контента.

Кроме того, возникает вопрос относительно моноплатформенности исследования. Так в работе анализируется только Twitter, но определяется цифровая дипломатия значительно шире, как «использование цифровых технологий дипломатическими ведомствами». Ряд социальных сетей, официальные сайты, подкасты, рассылки — всё это исключено из эмпирики. Для Великобритании это частично компенсируется тем, что Twitter действительно был ведущей площадкой в исследуемый период. Но в Иране Twitter официально заблокирован с 2009 года, а значит, иранская аудитория имела доступ только через VPN. Это ставит под вопрос репрезентативность метрик вовлечённости для иранского кейса — «эхо-камера» может быть артефактом платформенной блокировки, а не коммуникационной стратегии.

В тексте диссертации (или в автореферате) необходимо явно обсудить ограничение моноплатформенности и его последствия для валидности выводов по Ирану. Если возможно, стоит хотя бы фрагментарно привлечь данные с других платформ (например, Facebook-аккаунт виртуального посольства, если он существовал) для проверки устойчивости выводов. В тексте диссертации (и в автореферате) необходимо было явно обсудить ограничение моноплатформенности и его последствия для валидности выводов по Ирану и хотя бы фрагментарно привлечь данные с других платформ для проверки устойчивости выводов.

Также, хотелось бы отметить тот факт, что Положение 4, выносимое на защиту, связывает «эффективность» цифровой дипломатии со степенью адаптации к аудитории и уровнем интерактивности. Но в работе не определено, что именно считается «эффективностью» — изменение общественного мнения? Достижение конкретных политических результатов? Уровень вовлечённости? Для Ирана низкая вовлечённость интерпретируется как «ограниченная эффективность», но если цель была не мобилизация протеста, а, например, сигнализирование третьим сторонам (союзникам, партнёрам Ирана), то метрики могут быть иными. Поэтому, если бы автор ввел явную операциональную дефиницию «эффективности цифровой дипломатии» с разделением на разные типы эффективности (коммуникативная, политическая, символическая), то это бы позволило легче дифференцировать выводы.

Стоит также обратить внимание автора на ограниченность хронологических рамок. Так администрации Обамы и Трампа охватывают 2009–2021 гг., то есть сейчас доступно как минимум четыре года администрации Байдена. Исключение этого периода создаёт ощущение незавершённости, учитывая, что Байден вернул ряд практик цифровой дипломатии запущенных администрацией Обамы. Это позволило бы проверить цикличность, обнаруженную автором.

Кроме того, при всей глубине представленного исследования, хотелось бы порекомендовать автору рассмотреть, может быть в рамках дальнейших разработок, третий случай, так как сравнительный дизайн исследования «союзник vs. противник» бинарен и отчасти уже определяет результат. А включение промежуточного случая, например, государства, которое не

является ни союзником, ни противником (например, Индия, Бразилия, Турция) позволило бы проверить, действительно ли тип отношений является ключевым фактором, или есть другие переменные (размер аудитории, уровень интернет-проникновения, культурная близость).

Также следует подчеркнуть, что вывод автора об «эхо-камере» иранского аккаунта (взаимодействие преимущественно с аффилированными акторами) может иметь альтернативные объяснения помимо неэффективности стратегии. Например, это могут быть платформенные ограничения Twitter (shadowbanning - скрытое ограничение видимости контента пользователя на онлайн-платформе, алгоритмические эффекты), особенности иранской аудитории в Twitter (которая сама может быть нерепрезентативной), или целенаправленная стратегия сигнализирования диаспоре и международной аудитории, а не внутреннему населению Ирана. Хорошо бы было рассмотреть альтернативные объяснения наблюдаемого паттерна и показать, почему именно неэффективность коммуникационной стратегии является наиболее вероятной интерпретацией.

Обращает на себя внимание и тот факт, что автор в списке публикаций указывает три статьи, посвященные цифровой дипломатии стран Ближнего Востока (Саудовской Аравии, ОАЭ и Кувейта), что может быть рассмотрено как апробация методологического инструментария, разработанного в рамках диссертации, но об этом нет упоминания в самом диссертационном исследовании.

Высказанные комментарии отнюдь не снижают положительного впечатления о проведенном диссертационном исследовании и могут быть предложены автору для дальнейшего научного исследования в этом направлении при написании докторской диссертации.

Содержание диссертации полностью соответствует цели и задачам проведения исследования. Все вопросы, поставленные автором, раскрыты с достаточной полнотой, логично и последовательно, а содержание диссертационного исследования имеет достаточно высокую научно-практическую ценность.

Таким образом, диссертационное исследование Павлюченко Александры Андреевны на тему «Сравнительный анализ цифровой дипломатии США в отношении Великобритании и Ирана при администрации Б. Обамы и Д. Трампа» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для политической науки, и соответствует паспорту научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования, отвечает требованиям пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, а автор диссертации, Павлюченко Александра Андреевна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата

политических наук по научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования.

Официальный оппонент:

доцент кафедры прикладного анализа международных проблем факультета Международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» - Дипломатическая академия МГИМО МИД России, профессор Академии военных наук, кандидат экономических наук, доцент по кафедре государственного управления и национальной безопасности
(08.00.14 – Мировая экономика)

И.В. Сурма

«01» сентября 2026 г.

Адрес: Москва, улица Остоженка, д.53/2, стр.1

Телефон

E-mail:

Подлинность руки удостоверю

Начальник отдела

документального обеспечения

Дипломатической академии МГИМО